

“Гергиев меня не отпускал — боялся, что испортят”

Ольга Бородина — Газете

Ольга Бородина: «Может, когда-то в La Scala и были педагоги, но сейчас это кошмар» *Пагеба — 2003 — 4 сент. — с. 11*

На нынешнем Зальцбургском фестивале знаменитое русское меццо-сопрано **Ольга Бородина** с огромным успехом исполнила сразу две свои коронные партии — Далилу в концертном исполнении оперы Сен-Санса «Самсон и Далила» вместе с Пласидо Доминго и Эболи в «Дон Карлосе» Верди — все под управлением Валерия Гергиева. В перерыве между двумя последними спектаклями с **Ольгой Бородиной** побеседовал корреспондент **Газеты Илья Кухаренко**.

Вы были в большом фаворе в Зальцбурге еще при Мортье. Как, на ваш взгляд, изменился фестиваль при новом руководстве?

Может быть, это мое субъективное мнение, но уровень фестиваля снизился. Конечно, и Мортье любил авангардные постановки, однако мне кажется, они были глубже и интереснее. Меня в принципе удручают все эти извращенческие переделки, когда сюжет оперы запикивают в некие дурацкие обстоятельства, от этого страдает музыка.

Записывали ли что-нибудь новое в последнее время?

Да, только что сделали живую запись с Гергиевым «Смерти Клеопатры» Берлиоза... *(Обращается к маленькому сыну.)* Масяня! Дай поговорить спокойно.

Дети сейчас с вами?

Все трое со мной. Извините... *(Строго обращается к старшему.)* Что ты ему сделал?.. Ничего?.. А почему он плачет?.. Обычные разборки *(смеется)*.

Редко удается побыть с ними?

Они всегда ездят со мной.

И старший Алексей?

Он — по возможности, когда учеба позволяет. Он сейчас заканчивает питерскую Капеллу как дирижер-хоровик.

Сразу хочет быть дирижером?

Да нет, певцом хочет быть, ну а там видно будет.

А голос какой?

Да пока еще неизвестно...

Слышу некоторый скепсис... Не хотите певческой карьеры для сына?

Честно говоря, не очень. Это сложная профессия — так много всего надо иметь. Голос, конечно, но и голову на плечах, и талант. А то, знаете, голодовок хороших много, а певцов хороших — единицы.

Он ходит на фестивальные спектакли?

Да, практически на все.

И какова реакция?

(Обращаясь к Алексею) Тут спрашивают, какая у тебя реакция на спектакли. Говорит, что постановка «Дон Жуана» не понравилась, что ему чуть плохо не стало. Такой еще чуть-чуть детский взгляд, но все-таки он уже семнадцатилетний музыкант.

Ваш взлет начался с колоратурных партий в операх Россини, и, честно говоря, мне немного жаль, что вы так мало их поете сейчас. Будете восстанавливать виртуозный репертуар?

Собираюсь. Буду петь Изабеллу в «Итальянке в Алжире» Россини в «Мет» (Metropolitan Opera) с Ливайном. Это довольно трудно после драматических партий возвращаться к Россини, но, в принципе, я понимаю, что Эболи, например, — это не моя партия. Я могу ее спеть, но я не драматическое меццо в настоящем смысле этого слова, природа моего голоса — лирическая, мне значительно удобнее петь Россини. Это мое.

Кого эмоционально приятнее петь — исполнительниц вроде Далилы и Кармен, ревнивых злодеек вроде Амнерис или комическую Розину или Изабеллу?

Только не комические роли — это у меня нет. Больше нравятся драматические образы. Я, например, не представляю себя в роли Розины, хотя с удовольствием пою в «Золушке» того же Россини. Потому я не знаю, что у меня получится с «Итальянкой в Алжире» — это тоже комическая роль, в которую надо как-то войти.

Хорошо, тогда спрошу про русский и зарубежный репертуар — что ближе?

В русский репертуар — так уж много первых партий для меццо-сопрано. Главным образом Марфа в «Хованщине». Даже Любаша в «Царской невесте» — все равно вторая. Хотя очень люблю эту партию, и жалко, что «Царская невеста» не идет сейчас в театре.

Мне нравится ваша запись с Хворостовским и Гергиевым...

Да, там по-настоящему драматично вышла сцена с Бомелием. Это так редко бывает на записи, когда получается спектакль, а не так просто — встал человек перед микрофоном и что-то поет.

Не любите петь в студии?

Не очень. Не только из-за отсутствия публики — у меня всегда проблемы с микрофонами, в принципе, голос не очень хорошо «ложится» на фонограмму. Близко поставить микрофон нельзя, а далеко — тоже надо уметь поставить... Записи live всегда лучше.

В повседневном поведении, на мой взгляд, в вас нет практически ничего от соблазнительницы Далилы, скорее, есть некоторая суровость, строгость. Откуда берется этот сногшибательный эротизм для Сен-Санса?

Сногшибательный эротизм? *(Смеется.)* На самом деле это есть в музыке, я ничего не придумываю, просто вслушиваюсь.

Помните этот ранний фильм, где вы на велосипеде катаетесь по аллеям и поете фрагмент из My Fair Lady?

О, Господи! *(Тяжело вздыхает.)* Да, помню, конечно...

Я так и думал, что будет такая реакция, но какой фильм вы бы сняли про себя сейчас, что бы в нем было, а чего не было?

Не знаю. Сложный вопрос — сейчас такой фильм было бы сделать значительно труднее. Тот я тоже без смеха смотреть не могу, но тогда было время, когда только единицы знали, как все это петь. Не то что про стиль понятия не имели — языков не знали. И потому в те времена казалось неплохо, что называется, «схавали».

Кстати, о языках. Не так давно один language-coach из Metropolitan Opera нахваливал именно ваше французское произношение. Языки учили во взрослом возрасте?

К сожалению, вообще не учила. У нас была такая школа в Ленинграде, в которой вообще языка практически не было. И мой английский до сих пор оставляет желать лучшего. В свое время, когда я уже пела в театре, меня после конкурса имени Розы Понселле пригласили в La Scala на стажировку, где были языковые курсы, но Гергиев меня не отпустил. Сказал: «Неизвестно, что они с тобой там сделают, еще, чего доброго, испортят». Я сначала обижалась, а потом стала думать, что, скорее всего, он был прав. Уже потом, когда я пела в La Scala, я ради интереса ходила на эти занятия и каждый раз приходила в ужас. Можете, когда-то там и были педагоги, но сейчас это кошмар. Туда не стоит приезжать учиться петь, там могут научить стилистике, каким-то театральным вещам, тому же языку, но не вокальной технике. Хотя, вероятно, если бы я туда поехала, сейчас бы говорила свободно на многих языках. Я вообще первые десять лет работы в театре была практически невыездной. Гергиев меня не отпускал.

Обижались тогда на него?

Бывало. Уже сейчас я ему часто это припоминала и выговаривала, а он говорил, что меня бы наверняка испортили и, наверное, он прав.

Много сейчас работаете вместе?

Да, удается довольно много с ним петь. Я прекрасно отношусь ко многим дирижерам, очень люблю Ливайна, с которым у меня прекрасный сценический контакт, но так, как меня чувствует Гергиев, — так больше не чувствует никто. Даже когда я стою спиной, этот контакт не теряется — за семнадцать лет совместной работы он меня изучил. А то, что говорят, что у Гергиева оркестр играет слишком громко, так это мы недавно обсуждали с оркестрантами Wiener Philharmoniker — когда он характерно трясет руками или выкатывает глаза, большинство оркестрантов думают, что надо играть громче, а это не так. Он ждет не децибелов, а экспрессии, особого штриха.

Читал в каком-то вашем интервью, что вы сейчас живете в Нью-Йорке и квартиру там собираетесь купить...

Это выдумки, я живу в Санкт-Петербурге.

А когда там будете петь в ближайшее время?

Может быть, если получится, второго декабря я буду петь Далилу на премьере этой оперы в Мариинке. Но пока точно не знаю, поскольку еще первого декабря я должна быть в Чикаго. Узнала о том, что Гергиев поставил спектакль на второе число лишь две недели назад. В этом плане с ним всегда есть некоторые сложности...